

Синтез документального и художественного в современной прозе

(по повести В. Николаева «Живый в помощи...»)

Е. А. ОКУНЬКОВА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ)*

Автор обращается к повести современного писателя Виктора Николаева и сопоставляет ее с рядом повестей военной прозы. В статье осмысливается проявление исторической темы в современной литературе, способы обращения писателя с документом и фактом, формируется литературоведческое представление о стиле В. Николаева. Художественный материал анализируется под важным для современной литературоведческой науки углом художественного синтеза.

Ключевые слова: современная военная проза, историческая тема в литературе, стиль, художественный синтез, документализм.

The synthesis of documentary and artistic in modern prose (by V. Nikolaev's story «Living in help...»)

Е. А. OKUNKOVA

(MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY, MOSCOW INSTITUTE OF PUBLIC EDUCATION)

Abstract: In this article the prose of modern writer Viktor Nikolaev is being examined in comparison with a number of military prose stories. The manifestation of the historical theme in modern literature is being comprehended as well as the ways writer manages with document and fact. Literary presentation of V. Nikolaev's style is being formed. The artistic material is being analyzed from the point of view of artistic synthesis, which is very important for modern literary science.

Keywords: modern military prose, historical theme in literature, style, an artistic synthesis, documentalism.

Современная русская проза представлена авторами, живущими среди нас и пишущими о нас, создающими крупные произведения, охватывающие городской и деревенский романы, исторические исследования и политические детективы. Более того, издательства России выделяют серию «Русская современная проза» как «литературу будущих классиков третьего тысячелетия...» (<http://www.fap.ru/pubhouse/products.php>). К достоинствам этой прозы относят «прекрасный русский язык», «актуальный сюжет», «точные реалии», «подлинные краски», можно говорить о документальности этих произведений, основанных на реальных событиях.

Отмечают небывалый взлет «документалистики» или документальной прозы, «документализацию литературы и искусства, т. е. популярность такой литературы несомненна» (Аграновский, 1978). К причинам этого явления относят возросший интеллектуальный уровень и образованность современного читателя, его тягу к объективности — читатели «изголодались» по документальным свидетельствам о малоизвестных временах и событиях.

В свете этого сегодня наиболее востребована и интересна проза о войне 1941–1945 гг., открывающая перед нами множество новых страниц. Война в Чечне продолжает «поставлять» страшные сюжеты. Отметим «Книгу

* Окунькова Елена Александровна — соискатель кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета, старший преподаватель кафедры филологического образования Московского института открытого образования. Тел.: (495) 151-69-92. Эл. адрес: lena-okun@yandex.ru

Памяти» В. Носкова, излагающую скупые факты гибели российских воинов на чеченской земле.

Еще меньше известно о кампании в Афганистане, о которой рассказал писатель В. Николаев в повести «Живый в помощи...», документальной по сути, но одновременно представляющей настоящее художественное произведение (Николаев, 2000). Здесь мы говорим о *синтезе*, соединении двух начал — факта и вымысла, документа и фантазии. Основа достоверности этой книги — *упоминание* в ней *настоящих имен* прототипов героев — участников событий, оживающих перед нами. В первую очередь, это Виктор — главное действующее лицо и автор. Николаев оставляет герою свое имя, не изменяет его на какое-либо другое, подсознательно вселяет в нас уверенность в том, что мы узнаем правду со страниц книги. Он участник страшных событий 1979–1989 гг. в Афганистане, Спитаке, Сумгаите... Однако «оживать» героям позволяет не детальная подлинность их биографий, наоборот, *художественность*, основанная на интуиции и фантазии писателя. Поэтому говорить о *художественности* книги сложнее, чем о ее *документальности*. С фактами все ясно: опора на имевшие место политические и исторические события, упоминание настоящих имен политических и государственных деятелей, приведение текстов документов...

Писатель указывает имена участников, перечисляет тех, «кто подставлял себя под пули ради спасения других» с полным перечнем их боевых заслуг и наград. В такие моменты повествования на страницах проявляется особый *хроникальный* слог. Идет сухое перечисление текущих событий (не касающихся непосредственно боевых действий), сопровождаемое глубокими рассуждениями автора о причинах данной войны, о том, *что* есть «ЧЕСТЬ», «СТРАХ», «СМИРЕНИЕ»... В итоге создаются яркие определения: «Война — это скопление всех вселенских сил... Темных и светлых... Здесь души сшибаются с душами...» (Николаев, 2001: 21).

«...Страх, оказывается Божий дар. Страх — отец разведки. <...> Страх — это бронезиловый человек, от которого отбываются десятки сопутствующих чувств» (там же: 41). Все это роднит повесть «Живый в помощи...» с очерком. Сильнее, чем любое художественное описание событий, действует на читателя дословно приведенный текст отпечатанной в Турции огромным тиражом азербайджанской листовки, направленной против русских солдат и офицеров, а также армян: «...Создадим у вас свои рынки, казино и публичные дома... <...> вы будете нашими рабами...».

Художественное и документальное в данной повести сплелись неразрывно как на уровне сюжета, так и на уровне лексики. Вот одно из предложений, написанное в некоем «казенно-литературном» стиле: «Не являясь представителем дипкорпуса, он, ввиду волнения, внутреннего замешательства, перераставшего на глазах в эмоциональную бурю, выпалил...» (там же: 32). Даже в сокращенном виде оно обнаруживает умышленное слияние несовместимых, казалось бы, по стилю слов и словосочетаний. («Не являясь представителем», «ввиду волнения» — официально-деловой, «эмоциональная буря», «выпалил» — художественный стиль.)

Уровень *художественного* и вымысел — это совсем не одно и то же. Стоит разграничить понятия «вымысел» и «домысел», хотя в точности этого сделать нельзя — данные категории условны и представляют собой как бы два уровня художественного произведения:

— уровень *сюжета* (то есть много вымышленных деталей или полностью вымышленный сюжет);

— использование отдельных *художественных элементов* («изображение действительности в образах» (Ожегов, 1993: 902) или «осмысление реального образа» (Аграновский, 1978), например описание природы, душевного состояния человека, включение фольклора).

Опираться, видимо, можно на субъективные рассуждения «чего больше: фактов или

выдумки?». В. А. Аграновский, размышляя о допустимой степени художественного обобщения, приходит к выводу, что вымысел есть «преувеличение». («Даже в тех случаях, когда <автор> ведет почти научное исследование факта, когда оперирует цифрами и «данными», он вправе домысливать, потому что наша мысль... измеряя... не в силах связать свои наблюдения...»)

При анализе книги В. Николаева «Живый в помощи...» правильнее говорить о *домысле*. К этой составляющей относятся воссозданные *диалоги*, внутренние *монологи*, *мысли* героев, *пересказ* услышанных писателем *историй*. Это, например, неожиданно возникший на страницах произведения страшный и поучительный случай, почти легенда о жадном и порочном человеке. В уплату за карточный долг он, мусульманин, отдает на растерзание свою третью жену, русскую, а затем и сам как-то оказывается в подвале рядом с грудой денег, явно лишенный рассудка и в припадке дикого хохота (Николаев, 2000: 60). Или незабываемое *описание сцены* мученической гибели воина, попавшего в плен к «духам» (Николаев, 2001: 34–35). «...Валентин... почти... ничего не осознавал. Вытянутая шея от просевшей тяжести тела держала голову на почти рвущихся шейных позвонках. Глаза, не мигая, мучительно смотрели в небо. «Духи», перевязав его на другое дерево, облегчили его состояние для предстоящего большего животного наслаждения. Минуты капитана потянулись как век...»

При создании подобных сильных сцен язык писателя становится эмоциональным, образным, красочным. Скорость повествования увеличивается за счет коротких лаконичных реплик в диалогах, завершающихся вопросом или восклицанием, многократного повторения слов «минута», «насколько секунд», «быстрее», «мгновение» и других, создающих ощущение стремительности. «Четырнадцать человек вывалились на землю за одну-две секунды... Борт Майданова, как мячик, скача с точки на точку в клубах пыли, огня и дыма, уже стоял на новом мес-

те загрузки. А живые уже тащили мертвых. <...> Батя... без конца хрипел: «Все?! Все?!» <...> Но милость Божия, сердце-двигатель... были на стороне русской отваги» (Николаев, 2000: 46).

Несомненно, к *художественному* началу можно отнести яркие оригинальные названия глав книги («Политручья кость», «Сказочный Афган», «Рулетка Аллаха», «Материнский зов» и другие); *отрывки из песен* разных лет и даже сказок («Когда в тебя вселился этот бес, и до, ре, ми, фа, соль, ля, си, ми, фа-диез...»; «Эх, война, война, дурная тетка, стерва она...»; «Марья Кривая вывезет»); *фольклорные* элементы на уровне содержания и лексики (частые упоминания «русская баня», «не по-людски, не по-русски...», «русские красавицы», «эх, русское застолье, деревенская простодушность!...», восклицания «Ох ты, горюшко наше...», «Долюшка ты солдатская, битая-перебитая!», «ох, ты, горе-горькое, беда-то какая!» (Николаев, 2001: 27–33). С изменениями и без изменений приводятся *поговорки* («Жизнь прожить — что минное поле перейти...» (Николаев, 2001: 20), «Гибнет люд — жиреет воронье» (там же: 26).

Народные *суеверия* тоже играют свою роль: «На войне все обязательно верят в приметы, поэтому перед выходом все до боли поотбивали о косяки костяшки пальцев» (там же: 34). «В ту ночь... в избушке деревенской старухи-колдуньи слышался долгий хохот и надрывный лай собаки. А зимой ее замело...». Правда, автор, обязательно оговаривает, что «...страх большой, оттого что нигде и близко не было церкви» (там же: 22). Но основная *художественная* составляющая книги — описания природы (пейзажи), внешности людей (портреты героев), их душевного и физического состояния. «Экзотический Восток был неописуемо красив. Снежные вершины гор вокруг Кабула! Высоченные карандаши минаретов! Каскады глинобитных саклей, как ласточкины гнезда, прилипших к скалам...» (Николаев, 2000: 28). Несмотря на ужас, творящийся вокруг воинов каждый день — до, во время и после

боя, — писатель отдает должное природе чужой страны и мечтает приехать туда уже совсем не в качестве бойца.

Особая составляющая книги — это тексты молитв (Окунькова, 2004) «чудесные» истории, например спасение капитана Колобова и его товарищей, с огромным риском добравших с крыши дувала из плотного кольца «духов» русского бойца. «Четыре борта шли по ущелью на солнце, не имея возможности... изменить курс. От... ослепительных... лучей горизонт стал трюиться, искажая истинное очертание вершины ущелья. <...> И вдруг... капитан Колобов задохнулся в резком всхлипе. На краю ущелья стояла... его двухлетняя дочь! <...> Спасти Колобова и экипаж... от удара о скалу могло только Чудо. Для того Господь и поставил туда его дочь» (Николаев, 2001: 47). В этой же главе («Тысячелетняя быль войны...») один из фрагментов содержит разговор с «невидимым»: «Нет, кто-то явно шел следом. Он вновь обернулся. Невидимый некто стоял совсем близко. <...> «Хочешь много денег за свою книгу? Переверни в ней Крест». И... все. Только шум взлетающих уток, порыв ветра...» (там же: 47). К таким особым элементам относится и заключение «От меня это было», предваренное эпиграфом из духовного завещания старца иеромонаха Серафима Вырицкого «Беседа Бога с душою человека». Продолжение этой «беседы» и завершает главу, а состоит она из «ответа Бесу» («Ты вынудил меня...») Виктора Николаева за офицеров, их близких, за нас всех (там же: 48, 49).

Нельзя однозначно отнести данные фрагменты *только к художественным* элементам

или *только к документальным*, т. е. это синтез факта и его художественного осмысления в произведении. Оба начала образуют неразрывное целое, рожденное, чтобы поразить читателя в самое сердце, заставить его душу проснуться и разбудить сострадание, любовь и другие необходимые человеку чувства. Виктор Николаев в этом продолжает традиции русской классической литературы: А. Пушкин «Капитанская дочка», А. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву», Ф. Достоевский «Записки из мертвого дома», Л. Толстой «Война и мир»... Это особый жанр книг с максимальной силой воздействия на читателя и высокой степенью достоверности. А достоверность эта достигается за счет максимального приближения к реальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграновский, В. А. (1978) Ради единого слова. М. : Мысль.
- Николаев, В. Н. (2000) Живый в помощи... // Роман-журнал XXI век. №2. С. 20–73.
- Николаев, В. Н. (2001) Живый в помощи... // Роман-журнал XXI век. №11. С. 16–49.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (1993) Толковый словарь русского языка. М. : Азъ.
- Окунькова, Е. А. (2004) Образ молитвы в документальной повести В. Николаева «Живый в помощи...» // М. : Изд-во Моск. гос. пед. ун-та.
- Сайт: http://lib.ru/NEWPROZA/AGRANOWSKIJ_W/journalist.txt
- Сайт: <http://www.fap.ru/pubhouse/products.php>